

идентичности, индивидуализма без гражданственности заставляет искать новые ориентиры для жизни, откатываясь назад к консерватизму, ксенофобии, культурной замкнутости, жесткому отстаиванию интересов государств в глобализованном мире. А появление новых эпидемий и пандемий, сравнимых с чумой Средневековья, вновь подчеркивает хрупкость человека и всех его идеологических защит, вновь ставит перед людьми проблему выбора и нового понимания свободы.

Литература

1. Керимов Т. Х. Социальная философия : учебник. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.
2. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. – Дубна : Изд. центр «Феникс», 1997.
3. Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 668 с.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000.
5. Бауман З. Текущая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

И. Б. Фан*

Проблема определения границ между частной и публичной сферами в политической философии и реальности

В статье анализируется проблема определения границ между частной и публичной сферами жизни человека. В политической философии дискуссионным вопросом является углубляющаяся историческая дифференциация значений понятий «частное» и «публичное». У. Кимлика обсуждает появление все новых разграничений между этими понятиями, связанных с переходом от коллективного носителя «частного» – семьи к индивидуальному субъекту, а также введение понятия «право на индивидуальную частную жизнь». В отечественной политической мысли интересен подход О. Хархордина к анализу значений понятий «публичная сфера», «частная жизнь» и «личная жизнь», характерных для советского времени. В заключении статьи автор высказывает собственную гипотезу относительно границ между частным и публичным в современной России.

Ключевые слова: частная и публичная сферы общества; частная жизнь; частное право; либерализм; личная жизнь; советская идеология.

Проблема определения границ между частной и публичной сферами жизни человека актуальна на протяжении веков, в каждую историческую эпоху и каждом социально-политическом и культурном контексте она проявляется по-разному. Эта проблема является дискуссионной в политической философии. У. Кимлика рассматривает различие частного и публичного в либерализме и романтизме, показывает изменение значений этих понятий в современных философских направлениях. Первоначальное различие дополняется различием личного и интимного от публичного, включающего государство и гражданское общество [3, с. 495]. В современном либерализме вопрос ставится не только о защите частной сферы общественной жизни, но и о праве индивидов на «личное уединение» в пределах частной сферы, т. е. на частную индивиду-

* **Фан Ирина Борисовна**, д-р полит. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

альную жизнь. Право на частную жизнь углубляет противоречие между публичным и частным, частное становится недоступным для вмешательства со стороны публичного. В этом есть позитивные и негативные моменты. Так, серьезные споры вызывает вопрос о допустимости вмешательства государства в дела семьи в случаях домашнего насилия. Речь идет о том, как определять индивидуальную частную жизнь – через коллективную частную жизнь семьи или жизнь индивида внутри семьи [3, с. 497]. Особенно это касается женщин, для них нужно применение права на частную жизнь к индивидам, а не к коллективам типа семьи. «Линия между частной жизнью и нечастной сферой, следовательно, проходит через традиционное разграничение между домашним и публичным. В то время как мы надеемся, что семья создает «сферу частной жизни и личного уединения», для многих людей сама семья – это институт, от которого они желают защитить свою частную жизнь, и действия государства могут потребоваться для того, чтобы в пределах домашней сферы защитить частную жизнь и предотвратить злоупотребления» [3, с. 501].

Неопределенность границ между частным и публичным в жизни современных россиян обусловлена специфической исторической эволюцией этих сфер и соответствующих понятий. В нашей истории не произошло ни обособления этих сфер общества, ни установления четко определенной взаимной связи между частной и публичной ролями гражданина, ни между развитием буржуазной семьи и утверждением политических прав отцов буржуазных семейств, как это было в Западной Европе. Этому препятствовали консервация патриархальной семьи и подчинение индивида общине и царю как патриарху общества, а также неразвитость частного права и частнособственнических отношений в экономике. Нормы существования патриархальной семьи, включая авторитет родителей, оказывали давление даже на мужчину, мешая формированию автономной личности. Неограниченное вторжение Российского государства в любые сферы общества и частную жизнь людей традиционно. В Советской России идеологическая задача ликвидации частной жизни (частной собственности, индивидуализма и т. п.) определяла социально-политический статус индивида. В. И. Ленин задал парадигму советской идеологии и пронизанных ею социальных и гуманитарных наук тезисом: «Мы ничего “частного” не признаём, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не “частное”, к хозяйственным отношениям необходимо применять не свод законов римского права, а наше революционное правосознание» [4, с. 398].

К эпохам застоя и перестройки выяснилось, что ликвидировать все «частное» до конца советское государство не смогло. Проблема заключается в том, какие признаки частной жизни сохранились

(или проявились?) в советское время и благодаря каким социальным и психологическим механизмам? Решение этой проблемы могло бы помочь оценить наследство, доставшееся нынешним поколениям россиян от имперского и советского времени, и определить более конкретно границы между частным и публичным в настоящее время. Существуют разные варианты решения этой проблемы. По мнению О. Хархордина, приватная сфера жизни была создана «ленинистскими режимами». Центральной практикой, образующей разделение на публичное и приватное в данных режимах, выступало лицемерие, или притворство. Оно связало «видимые для власти личную, трудовую и общественную жизнь индивида и невидимую для власти частную жизнь» [6, с. 144]. Притворство способствовало формированию «Я» советского индивида, но особым образом – с помощью практик индивидуального сокрытия сомнительного поведения от власти, коллег, соседей и даже членов семьи. Это первое индивидуальное действие, совершенное не по инициативе сообщества. Данный автор различает сферы частной и личной жизни в советское время. Советская идеология трактовала «частную» жизнь как «моральное разложение» людей, она клеймилась партийными чиновниками как результат проникновения врагов и «буржуазной идеологии» в сферу быта советских комсомольцев и коммунистов. Только враги могут объявлять быт «частным делом»; они морально разлагают советских людей путем устройства в быту пьянства и т. п. действий с целью разложить их и политически. «...Стратегия врага заключается в том, чтобы сделать жизнь вне работы “частной жизнью” и там насаждать некоммунистические идеалы. Поэтому “частная жизнь” более не имела права на существование» [6, с. 157]. С позиций советских идеологов, быт – не частное дело, а острейший участок классовой борьбы, неотделимый от политики. Забота о личной жизни комсомольцев и коммунистов – важнейший долг каждого советского руководителя. Наилучшее средство регулирования и личной, и общественной жизни – взаимный надзор в любом коллективе. «Личное» поощрялось, поскольку оно неминуемо становилось общественным, а «частное» преследовалось. Недопустимым считалось существование чего-либо потаенного, поэтому «частное» исчезло из официального дискурса. Но на практике «частное» возродилось как «тайная, но широко распространенная оборотная сторона социального – как невидимая сфера секретной жизни, тщательно скрываемая с помощью индивидуального притворства» [6, с. 163–164].

Ряд авторов считает, что в настоящее время деполитизация массового сознания сопровождается формированием потребности в разграничении частной и публичной сфер жизни [2, с. 122] и происходит обособление этих сфер [1, с. 140]. Соглашаясь с наличием

данной тенденции, мы исходим из предположения о неоднозначности этого процесса. Начиная с 1990-х годов, фиксируются процессы «приватизации» и «разгосударствления» человека, в массовом сознании россияна на первый план выдвигаются ценности частной жизни, что свидетельствует о существовании некоторых условий для формирования автономной личности. Однако параллельно этому в последние двадцать лет государство проводит политику усиления своего вмешательства в экономику и другие сферы жизни общества. Нельзя сбрасывать со счета и фактор новых информационных технологий, который неизбежно приведет к перераспределению сфер частной и публичной жизни.

В современной России разграничения сфер и функций частного и публичного не существует ни в институциональном плане, ни в общественном сознании. Публичное вторгается в частное, а частная жизнь «публичных» людей замещает публичное пространство. Государство не защищает ни гражданские права индивида, ни политические [5, с. 149–175]. Обособление частной жизни от публичной идет в искаженных формах. С нашей точки зрения, понятие «частное» имеет особое значение по отношению к правящему классу как формально-неформальной группе, монополизировавшей публичную сферу. Пространство частной жизни массового индивида составляет смешение родственных и других первичных связей с личными неформальными контактами, оно не содержит возможностей перехода в публичную сферу. Отсутствие правового государства – вот причина неправовой, неформальной связи между публичным и частным. Дальнейшее определение границ между частным и публичным требует конкретизации этих понятий, введения новых оснований и параметров, в частности критерия субъекта отношений публичности и приватности.

Литература

1. Айвазова С. Г. Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 140–158.
2. Кертман Г. Л. Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. – М. : ИСП РАН, 2006. – С. 122–140.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.

4. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики : письмо Д. И. Курскому // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – М., 1977. – Т. 44. – С. 396–400.

5. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. – Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2018. – 332 с.

6. Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.